

Алеся Беляева

НАМ С ТОБОЙ ПО ПУТИ

О море, дружбе и любви

Алеся Беляева

**Нам с тобой по пути. О
море, дружбе и любви**

«Издательские решения»

Беляева А. А.

Нам с тобой по пути. О море, дружбе и любви / А. А. Беляева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854981-6

Две подруги, Аня и Настя, оставив свои семьи в холодном северном городе, в разгар зимы отправились в недельное путешествие в Турцию. Их не испугали ни совсем не пляжный сезон в этой стране, ни пятимесячная беременность одной из них. За несколько дней путешествия они знакомятся с турецкой культурой, национальной кухней и местными жителями, посещают много интересных мест, оставляя в каждом из них частичку своего сердца. Поездка подарила подругам долгожданный отдых, а Аня обрела новую любовь...

ISBN 978-5-44-854981-6

© Беляева А. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	22
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Нам с тобой по пути О море, дружбе и любви

Алеся Александровна Беляева

Иллюстратор Елизавета Вячеславовна Беляева

© Алеся Александровна Беляева, 2020

© Елизавета Вячеславовна Беляева, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4485-4981-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Мела метель... Настя с Анечкой, хмуро глядя сквозь окно пиццерии на безумства северной природы, стояли перед сложным выбором. Анечка была беременна – не настолько сильно, чтобы ей уступали место в автобусе, но всё же вот так запросто, спонтанно решиться на путешествие с Настей она уже не могла.

Когда-то, несколько лет назад, они уехали вдвоем к морю, оставив своих детей и мужей на попечение бабушек. Подруги и сами до какого-то момента не понимали, что они совершили и как им это удалось. Очнувшись в самолете, который нес их к берегам Средиземного моря, они ощутили почти физическую боль от разлуки с дочерьми, которых было уже трое на двоих. Косы... кто заплетет с утра Полину, ведь её кудряшки покоряются только твердой руке матери? А Соне в полтретьего ночи надо принести водички, и непременно из чашки с собачкой, потому что чашка с курочкой для молока... А к двенадцатилетней Свете вообще медленно, но неумолимо подкрадывался переходный возраст...

Но все эти мысли как-то незаметно улетучились и постепенно исчезли вместе с перьями облаков, сквозь которые проступили ровно очерченные берега моря, ряды теплиц, крыши домов, густо усеянные солнечными батареями. Долгожданный отпуск! Конечно, они очень скучали по своим дочерям во время этой недельной поездки, пытались окружить своей материнской заботой всех пробегающих мимо детей, хотели те того или нет, задумчиво рисовали на мокром песке детские силуэты в треугольных платьях, с кудряшками и хвостиками, но они первый раз в жизни были в отпуске одни и наслаждались этим!

Впервые им не надо было кормить завтраком никого, кроме друг друга, и просыпаться можно было не в пять часов утра от сердитого детского сопения в кроватке или от воплей «Маааааамочка!», а тогда, когда захочется. Можно было гулять целый день напролёт без оглядки на приближающийся послеобеденный сон. Можно было валяться на пляже и обсуждать все на свете или просто молчать, лёжа на шезлонге на пустом утреннем пляже и слушая шелест волн и тишину.

И вот теперь, спустя почти три года после той поездки, девчонки сидели, наблюдая, как кружат вихри снега за окном, а со стены кафе на них смотрели пейзажи Средиземноморья и словно бы говорили: «Ну же, трусихи, решайтесь!».

– Страшно, – сказала Анечка, – страшно к морю хочется. Оно там волнуется без нас.

– И не говори! Но ведь ты же будущая мать! Мало ли чего...

– Да, я будущая мать, – почти заорала Аня, вызвав недоуменные взгляды посетителей за соседними столиками, – а потому мне нужен йод, витамин Д и свежий воздух!

– Не нервничай, Ань, тебе нельзя! На, съешь креветочку, она должна восполнить дефицит йода в твоём организме! Хотя ты права. Что дома? Пылесос, швабра, магазин, детский сад, и так по кругу. А там хоть сил наберешься!

– Но четыре самолёта, Насть! Доктор меня убьёт! Ты, кстати, принесла мониторинг из интернета? Как там беременные женщины, летают? Или все как одна носки вяжут?

– Летают, – Настя протянула ворох бумаг. – Как птицы. Кто на двенадцатой неделе в Камбоджу, кто на тридцать восьмой в Парагвай. Говорят, все хорошо. Но я, тем не менее, волнуюсь.

– Не волнуйся, тебе нельзя, у тебя подруга беременная! Ну, всё, решено! Едем! То есть летим! В конце концов, я имею право на каприз! Я устала, я бледная, Ульянка, хоть и сидит в животе, но тоже хочет витаминов, а я хочу на море!

– Анькааа моя! Ура! На вот, съешь еще кальмарчика! Или это не кальмарчик? Ну, все равно съешь, не зря же мы пиццу с морепродуктами выбрали! А потом, совсем скоро, я тебя нормальным морепродуктом накормлю! Аутентичным!

Подруги доели пиццу, обнялись на прощание и расстались, бережно неся в сердце хрустальную мечту о море.

Глава 2

Море уже маячило в ближайшем будущем. Путевки были куплены, отпуска оформлены. Оставалось только ждать, причём совсем недолго.

Впервые в жизни Настя с Аней собирались на зимнее море, поэтому застряли на этапе сбора чемоданов. В сознании боролись два взаимоисключающих слова – ЗИМА и ТУРЦИЯ. Ну, люди добрые, какая же в Турции зима, вы что? Там солнце, гранаты, апельсины, километры пляжей и жаркое солнце... Или не жаркое? В этот раз Настя была ответственна за все организационные мероприятия, впрочем, как и в прошлый, поэтому готовиться к отпуску начала заранее. Просмотр сайтов с прогнозом погоды мало помогал, потому что улетать из минус двадцати градусов в плюс пятнадцать казалось просто раем. Воображение тут же услужливо подсовывало чарующие картинки. Вот они стоят на морском берегу, платья и волосы развеваются от ветра, солнце пригревает, на лице блаженство...

– Насть, привет, а ты колготки под джинсы будешь надевать? – развеяла телефонным звонком Настины мечты Анька.

– Ань, ты чего, какие колготки? Одумайся! Мы ж девушки с севера! Я и в минус тридцать этого не делаю.

– А вдруг холодно будет? Снег пойдет?

– Анечка, иди, съешь конфетку, может, легче станет. Какой снег? Мы, спешу тебе напомнить, не в Лабытнанги летим, а в Турцию!

– Ну и что! Я всегда мёрзну, ты же знаешь! Лично я в колготках поеду! И водолазку еще надену! Слушай, а платьев сколько брать? Три хватит?

– Класс! Логика беременной женщины – это нечто!

– Какой беременной? А кто-то беременный? – шурша оберткой от шоколадки, промычала в трубку Аня.

– Да ну тебя! Никто не беременный, иначе бы мы дома сидели, сериалы глядели. А мы летим! Вдвоем! На море! В общем, бери свои платья, и носки шерстяные, и колготки тёпленькие тоже бери. Пригодятся. В конце концов, нам еще два дня у моей сестры жить, а Питер – это тебе не Анталья! Мало ли, какой природный катаклизм!

– И возьму! Я, знаешь ли, будущая мать! Мне о ребенке заботиться надо! Вдруг замерзнет деточка?

– Слушай, Ань, ты уж определись – ты мать или не мать? – еле сдерживая смех, сказала Настя, – Ветреная такая.

– Имею право. Еще целых четыре месяца могу себе позволить покапризничать, как любая уважающая себя беременная женщина.

– Балда ты беременная. Обожаю тебя! В общем, ты собирайся давай, и не забудь ленточку красненькую.

– Это еще зачем?

– Слушай, ну ты странная! А как же фотосессия? Ты, пузо, море... романтика! Ленточка так и просится! Перевяжем Ульянку бантиком, красиво будет! Когда ты еще беременная на море поедешь? Такой шанс упускать нельзя! У тебя ж этот, как его... инстаграм!

– Чур тебя! Надеюсь, что никогда. Ладно, ленточка так ленточка. Мне вообще некогда об этом думать, я еще работаю всюю.

– А у меня уже чемодан собран! Дурное-то дело нехитрое! Пусть себе стоит!

– Насть, ты чего? Еще две недели до вылета!

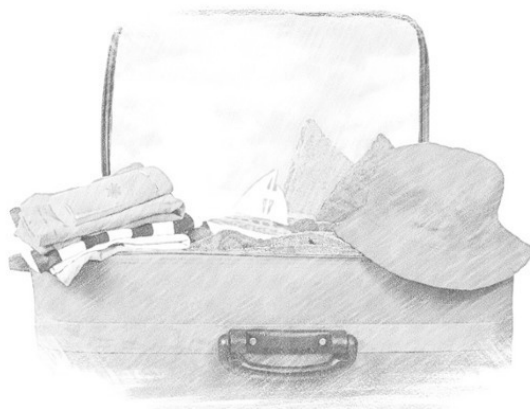
– Слушай, Анька, хватит ворчать, иди лучше кредит кому-нибудь выдай. У меня, может, тоже каприз, у меня подруга, как ты помнишь того... беременна!

– Прекрати мне напоминать об этом, иначе в отпуске я уйду от тебя в соседний номер! Нет, даже на другой этаж! Будем встречаться за ужином, кивать друг другу вежливо, или вообще не встретимся!.

– Ага, размечталась. У меня на тебя планы. И знаешь, Анька, не хотелось тебе говорить, но ты, кажется, беременна, – прыснула в трубку Настя, отключив поскорее телефон, чтобы последствия от Анькиных гормонов не накрыли ее с головой.

Глава 3

Морозным зимним днём девчонки наконец-то вышли из дома в отпуск. Анька заехала за подругой на такси и теперь с удовольствием наблюдала, как Настя стояла на крыльце подъезда и обнимала большущий красный чемодан, ставший со временем их третьим самым лучшим другом. Девчонки ласково звали его «Красненький».

Где только он не был – преимущественно в таких местах, о которых его хозяйка и не помышляла, потому что он часто ездил без нее. Вследствие его частых путешествий он был изрядно потрепан лентами транспортеров в многочисленных отечественных и зарубежных аэропортах. Каждая дырочка любовно зашивалась Настей после очередного его возвращения на родину, поэтому он был похож на доблестного героя сражений, который никак не может выйти в отставку. Настя каждую заштопанную дырочку неизменно сравнивала с орденom за заслуги. Каждый раз Настя обещала ему, что все, этот раз – последний, потом – на пенсию, но вот он снова в строю. Стоит на снегу, своим ярко-красным цветом символизируя все приближающуюся свободу.

Аня подняла глаза на Настину маму, которая вышла проводить дочь, и поняла, что теперь мама знает всё. Мама была, откровенно говоря, зла. Это было видно даже издали – суровый взгляд, решительная походка... Пару недель девчонкам удавалось скрывать, что они едут в Турцию – там бурлили политические события, и вся родственная община с обеих девчоночьих сторон была радикально против этой страны, поэтому официально подруги собирались на Кипр. Они и правда поначалу туда собирались, но Турция манила и цены на путёвки туда победили здравый смысл.

Самым трудным было признаться Настиному мужу, Славе. Он был самым здравомыслящим из этой компании, самым рассудительным и осторожным. Настю его рассудительность одновременно и успокаивала, и бесила. Все шестнадцать лет брака с ним она чувствовала себя как за каменной стеной, он был надежным, как скала, но решиться на авантюру – нет уж, никогда, если только авантюра тщательно им не спланирована. И вот как этой скале признаться в том, что две – нет, даже почти три девчонки (Ульяну в Аньке-то никто не отменял) едут одни в Турцию, где злые люди, только-только спустившиеся с гор, непременно украдут всех троих и отправят пасти коз до конца их дней? Все доводы, что Анталья – современный мегаполис с адекватными людьми и козами, не принимались в расчет.

Настя придумала идеальный план, как без сучка, без задоринки сообщить мужу о конечной цели путешествия. Сначала они усиленно собираются на Кипр, потом самолет на Кипр

внезапно отменяют и им не остается ничего другого, как – ну, что уж теперь поделаешь, – лететь в Анталию. Идеальный план разбился в идеальные щепки, когда однажды вечером встретились Аня, Настя и Слава. Аня, передавая Насте пакет с вещичками для Сони, из которых ее Полина уже выросла, сказала:

– Слушай, поедem в отпуск – хоть маек новых девчонкам накупим. Я вот в одном магазине разговорилась с продавщицей, она так наловчилась, едет в Турцию, покупает там за копейки турецкий трикотаж, потом здесь в своем магазине продает. И ездить как-то недорого научилась, представляешь? А что, и правильно делает, турецкие вещички носятся долго, хоть каждый день стирай. Так что пойдем на турецкую распродажу, да, Насть?

– Ага, – промямлила Настя, прислонившись к дверному косяку и плавно с него сползая.

Она с первых слов поняла, куда дует ветер. Размер её глаз увеличивался с каждым Анькиным словом, а Аня словно не замечала этих знаков. К концу монолога Настя смирилась и перестала и считать, сколько раз подруга скажет слово «турецкий», потому что остановить этот поток было невозможно.

Теперь она смиренно ждала Славкиной реакции, втайне надеясь, что он не вслушивался в Анину болтовню. Но нет. Вслушивался. Внимательно.

– Так, я чего-то не понял, вы в Турцию летите? Вы ж на Кипр собирались?

– Мы-то? Ну, мы это... собирались... а потом... понимаешь... так получилось, что... Ага, в неё, – выдохнула в конце концов Настя, а в Анькиных глазах отобразилась, подгоняемая сознанием, вся цепочка событий, произошедших только что.

– Ну, вы даёте, – выдохнул Славка, мысленно махнув рукой и на жену, и на ее подругу, и на коз с пастухами.

Да, ситуация была нештатной, а Настин идеальный план оказался ни к чему, ведь Аня решила проблему быстро и решительно. И весело.

Анины родственники в итоге восприняли всё без истерик, но оставались еще Настины мама и сестра, Надежда. Объяснения с сестрой были отложены на день прощания, ведь подруги два дня решили провести в Питере, прогуляться по Невскому проспекту и полюбоваться архитектурой. Вот поедет Надежда провожать их в аэропорт – ну, а там уже куда деваться, они быстренько признаются и убегут на регистрацию. План тоже был неплох, но и он оказался лишним, ведь Настя не могла не рассказать сестре о том, как легко и непринужденно Анька призналась в преступлении.

Итак, осталась только мама. В самое утро вылета, за завтраком, с наслаждением потягивая свежесваренный кофе, Настя как бы между прочим сообщила маме, что маршрут несколько изменился и летят они в Анталию. Вообще, она надеялась, что мама, никогда не бывавшая за границей, не заметит подвоха в смене географических названий. Ларнака, Анталя – какая, собственно, разница?! Но нет. Бдительная мама сурово сдвинула брови, сказала, что обе девицы не отличаются умом, залпом допила кофе, словно это был коньяк, и решительно двинулась к выходу, с легкостью схватив чемодан в одну руку и непутёвую дочь в другую.

И вот теперь мама строго смотрела на подъехавшее такси и Аню так, словно они навеки отбирают у нее дочь. Пока нерасторопный таксист только подумал о том, чтобы помочь хрупкой женщине положить чемодан в багажник, эта хрупкая женщина рывком подняла чемодан, со злостью поставив его сначала на пластиковый бампер, отчего бампер жалобно сморщился, а таксист жалобно крикнул, а потом задвинула чемодан в багажник, оставив неизгладимый след на бампере и в сердце таксиста. Расцеловав на прощанье бестолковых детей, мама отправилась по своим делам, неся в материнском сердце целый ворох переживаний.

Такси отъехало от дома. Притихнув, Аня и Настя переглянулись, подумав об одном и том же: «Да, здорово начинается наш отпуск!»

Но все грустные мысли выветрились из головы, лишь только такси подъехало к аэропорту.

Глава 4

Спустя час, пройдя все бюрократические заслоны, девчонки сидели в просторном зале с большими окнами, ожидая вылета, и лениво рассматривали пассажиров. Вот молодой мужчина с папкой и ноутбуком – очевидно, командировка. А годовалый малыш, переваливаясь на пухлых ножках, с любопытством заглядывал под каждое сиденье, пока мама болтала по телефону, и одаривал каждого счастливой беззубой улыбкой. Женщина очень строгого вида с неестественно прямой спиной сидела, уткнувшись в книгу. Наверно, учительница. У всех своя жизнь, свои причины оказаться здесь. Кто-то отправляется в путешествие, кто-то через считанные часы встретится с самым главным человеком в своей жизни, а кто-то просто возвращается домой. Для некоторых – все в новинку, и глаз не оторвать от лётного поля, и от предвкушения полёта дрожь пробегает по всему телу. А для кого-то – это просто рутина, и хочется поскорее оказаться в месте назначения, минуя утомительные досмотры, полёт и гадкий кофе в самолёте.

Аня с Настей наслаждались этим всем, поэтому даже самому изысканному напитку в лучшем кафе своего города они бы предпочли растворимую жидкость с едва уловимым кофейным ароматом, но в салоне самолёта, ведь это означало бы начинающееся приключение, о котором они так давно мечтали.

При всей строгости досмотров Ане удалось пронести в зал вылета бутылочку с водой, что категорически запрещено правилами, развешенными на каждом свободном сантиметре аэропорта.

– Насть, водички хочешь? – Аня как ни в чем ни бывало открыла сумку и достала контрабанду.

– Ань, ты чего, воду протащила? – вытаращила глаза Настя.

– Слушай, чего сразу орать-то? Ну, протащила, и что? Я, если, честно, про нее совсем забыла, а сейчас вот в сумку полезла и нашла.

– Ну, да. Главное – уверенность в своей правоте. Одна забыла, вторая не знала, вот так правила безопасности полетов и нарушаются. А потом международные проблемы начинаются, из-за которых простым смертным нельзя летать, куда они хотят.

– Слушай, Насть, ты сегодня решила быть идеальной? А давай-ка я тебе напомним, как кто-то когда-то совершенно случайно выкинул в сугроб жвачку? Что скажешь об идеальности этого деятеля, а?

– Жвачка – это биоматериал, она разложится, станет удобрением, а на ее месте вырастет одуванчик. И вообще, они сами виноваты. Почему они урну не поставили? Я бы тогда осталась идеальной в твоих глазах.

– Ой, меня от твоей идеальности иногда подташнивает. Не могла бы ты быть обычной? Ты мне такая больше нравишься.

– Тебя подташнивает, потому что ты беременна. Слушай, Ань, а тебе никогда не приходило в голову, что мы действительно идеальны? Ну, правда?

– Ты знаешь, как-то нет, не приходило. Чаще наоборот! Особенно на планёрках по утрам, когда начальство устраивает разнос!

– Да ладно?! Ну, вот смотри! Вот просыпаешься ты утром, смотришь на себя в зеркало, а на тебя оттуда глядит идеальная красота! Скажешь, нет?

– Наааасть, вы там с мамой что на завтрак пили? Когда я просыпаюсь утром, на меня оттуда глядит лохматое заспанное чудище, которое ненавидит весь мир.

– Ну, это-то понятно, у меня в зеркале такое же живет. Но это мелочи. Исправимые. В целом же наша красота – идеальна! Фигуры – идеальны! Ты же помнишь, как сказал нам однажды наш бывший коллега? «Фитнес Вам ни к чему!» Это он так завуалировал признание

нашего совершенства! А манеры, а способности, а таланты! А наш ум, Ань – он же тоже идеален! Такое иногда генерирует – диву даёшься! Не во всех сферах жизни, правда, работает, бывают проколы, но если не вдаваться в подробности – пора признать, Анечка, мы – совершенны! Богини просто! И если уж встречаем во что-нибудь – то идеально и божественно!

– Ой, я своим идеальным умом сейчас поняла твой тонюсенький намек на мой идеальный брак, в который я вляпалась дважды!

– В том числе! Подумай только! У тебя – идеально невыносимый муж! У меня – идеальная, прямо-таки хрестоматийная в своем переходном возрасте старшая дочь! Они даже нервы нам мотают как? Подумай хорошенько?

– Как, как? Идеально! – прыснула Анька.

– Что и требовалось доказать! Пошли, богиня, на нашу колесницу посадку объявили!

– Бежим! – решительно сказала Аня, вскочив с сиденья с грацией женщины, всё время забывавшей о своей пятимесячной беременности.

В самолёте Аня попыталась поспать. Раньше ей это удавалось виртуозно. Она засыпала моментально в любом транспорте. Настя же спать не могла нигде, кроме кровати, и желательно в комнате с открытым окном, поэтому сейчас даже и не пыталась заснуть, уткнувшись в чтение. Спустя двадцать минут Аня открыла глаза и пристально посмотрела на подругу.

– Ты зачем меня укусила? – неожиданно бодро спросила Аня. – Я заразилась бессонницей.

– Что, Анечка, не спится? Добро пожаловать в наш «Клуб неспящих»!

– Мы так не договаривались! Я вообще-то в отпуске. А в отпуске люди спят. Тем более беременные. Им сон необходим.

– Ань, это не про нас. Это нормальные люди спят. А мы ж эти... идеальные!

– Слушай, Настасья, я вот подумала – всё-таки хорошо, что я беременна! В этом отпуске ты хотя бы не будешь заставлять меня бегать по пляжу в шесть утра, как в прошлый раз!

– Ой, а кто заставлял-то? Я просто уточняла, не хочешь ли ты составить мне компанию. А ты почему-то соглашалась. Я-то тут при чём?

– Ага, не согласишься с тобой, всю жизнь бы потом мне это вспоминала, – бурчала себе под нос Аня. – Нет бы спать, так нет, шатались по пляжу как бездомные.

– Нет, не бездомные, а спортивные и позитивные! И вообще, те рассветы были так прекрасны, вспомни, Ань! Жалко было бы проводить их в номере, лицом в подушку! Как говаривал паровозик из Ромашково, «если мы не увидим его, то, может быть, мы опоздаем на всю жизнь. Ведь каждый закат единственный в жизни, граждане!» В нашем случае рассвет, но смысл тот же.

– Ничего не знаю, закаты, рассветы – это все, конечно, очень приятно и романтично, но не забывай, что я – беременная женщина! Мне положены скидки! Как там, кстати, скидки по-турецки? Выучила?

– Конечно! Indirim! Да не волнуйся, Ань, будут тебе скидки! Обещаю! Только тут есть одна загвоздочка, мой друг!

– Ну-у, начинается... Бегать же ты меня не заставишь?

– Нет, я же не изверг какой-нибудь, я тебя вообще-то люблю! Можешь не бегать, но походить придется изрядно.

– Что, опять путеводитель на пятьсот страниц сочинила?

– Ага, примерно, – загадочно улыбаясь, ответила Настя, предвкушая предстоящие прогулки. – А ты спи давай, не болтай. Вдруг получится? Хоть одна выспится.

Девчонки откинулись на спинки кресел, погружившись каждая в свои мысли. Все осталось позади – Анин муж, который делал ее жизнь непредсказуемой, Настина старшая дочь со своими подростковыми проблемами. Всё-таки со временем жизнь делает людей мудрее. Они

не могли изменить ситуацию, не могли решить разом все свои проблемы и переживали друг за друга подчас сильнее, чем за себя, но они научились – им пришлось научиться – абстрагироваться от проблем хотя бы на несколько дней, как советуют психологи. Сейчас самая главная проблема, которая волновала их – температура воздуха в Анталье. Начиналась эмоциональная перезагрузка.

Глава 5

Питер встретил приезжих серостью и туманом. Девчонки забрали багаж и не торопясь пошли к выходу. Там их должна была ждать Настина сестра, Надя. Разница в возрасте у сестер была семь лет, и они любили друг друга до умопомрачения. Они знали друг о друге всё. Существовало два лагеря – в одном были Настя с Надей, в другом – весь остальной мир. Не то, чтобы они противостояли всем, нет. Они жили со всеми по возможности дружно, но если возникала какая – то спорная ситуация – с родителями, знакомыми, детьми – их мнение по любому вопросу было единым. Всегда. Безоговорочно. Сёстры были единым целым, как близнецы, и чувствовали друг друга на расстоянии. Они с лёгкостью могли предугадать фразу, которая должна быть произнесена, чем вызывали недоумение родственников. Родные не понимали, как им это удастся. Собственно говоря, Надя с Настей тоже не понимали, но, тем не менее, это было так.

Раньше, лет десять назад, каждая встреча вызывала бурный восторг и шквал эмоций. Сейчас при встрече у них появлялось такое ощущение, словно они не расставались. Девчонки казались совершенно спокойными внешне, но в их сердцах жила какая – то патологическая нежность, которая становилась тем сильнее, чем старше они становились и чем дольше они не виделись.

Редкие встречи сёстры восполняли ежедневными телефонными разговорами по мобильному. Они настолько привыкли к ним, что с некоторых пор перестали даже здороваться. Это был один затяжной разговор, длившийся несколько лет. Он начинался обычно словами «Слушай, сестра, будешь со мной бельё гладить?» или «Проводишь меня до работы?». Вариантов было множество, поскольку список домашних дел был нескончаем, а ходить на работу, имея под боком сестру – пусть даже и в телефонной трубке – куда приятней. Совершенно спокойно разговор мог быть закончен фразой «Всё, прощай!». Это значило, что одна из сестёр дошла, например, до работы, и перезвонит вечером. «Бесишь!» – отвечала ей обычно вторая. Откровенно говоря, когда посторонние люди, а уж тем более родители слышали такое, они никак не могли взять в толк, что в отношениях между сёстрами царит любовь.

Мама обычно делала большие глаза и говорила «Девочки, вы что?» А девочкам было смешно смотреть на удивлённые глаза окружающих.

Папа, суровый военный в отставке, настоящий полковник, не привыкший к сантиментам в своей бывшей военной жизни, тем не менее, с трепетом относился к тому, как любят друг друга его дочери, страшно гордился этим, поэтому слышать такие речи было выше его сил. Хотя о чём можно часами болтать по телефону, папа не понимал. В его понятии телефонный

разговор был необходимым для сообщения информации – кратко, по делу. Когда он звонил дочерям, обычно он говорил: «Так, доложить обстановку!». Послушные дочери раньше пускались в длинные рассказы о детях, событиях и новостях, но папа заявлял: «Всё, разговор окончен». Такой вот мужской военный подход.

Однажды, когда маленькой Соне исполнилось три месяца, Настя поняла, что не может человек жить на свете и не быть знакомым со своей племянницей. Она сюрпризом прилетела к Наде. Надин муж, Сашка, был, конечно, в курсе авантюры, мужественно держал оборону и тайком от жены удрал из дома, чтобы встретить Настю с малышкой в аэропорту. По дороге обратно он переживал, что не успел навести дома порядок к приезду родни, потому что сделать это, не вызывая Надиных подозрений, было невозможно. А Настя, прижимая к груди сладко посапывающую Соню, предвкушала реакцию сестры. Ей было все равно, чисто ли вымыты полы и разложено ли поглаженное бельё по шкафам, ей было важно лишь одно – обнять сестру и показать ей Соню, имя которой они выбирали вместе.

Реакция была ожидаема – сестра плакала, смеялась, снова плакала, не отпуская обалдевшую от такого накала страстей Сонечку. В разгар всего этого концерта из комнаты вышел трёхлетний Надин сынок, Шурик, который оглядел присутствующих и совершенно невозмутимо сказал:

– О! Настя пришёл!

Казалось, что Настя «выходил» за хлебом на пять минут и «вернулся». Ничего особенного Шурик в этом не видел и не понимал, почему все обнимаются, плача и хрюкая при этом, как поросята, и что за куклу в розовом комбинезоне его собственная мама никак не может выпустить из рук.

Вот так же естественно, как будто расстались только утром, а не год назад, сёстры встретились и сейчас. Только им одним было заметно, как зорко Настя высматривала в толпе родное лицо и как крепко, почти до хруста костей, Надя обняла при встрече своего ребёнка, ведь она считала Настю не папиным и маминым ребёнком, а своим. Она нянчила ее в детстве, учила готовить, решать уравнения, вовремя подсовывала нужные книжки и даже писала заявление на поступление в школу, хотя ей самой было тогда всего тринадцать лет.

Правила приличия не позволяли стоять истуканами в толпе посреди аэропорта. Вокруг сновали встречающие с табличками, прибывшие пассажиры с чемоданами толкались, поэтому, наскоро оглядев друг друга, девчонки наконец-то расцепили объятия.

– Ну что, лётчицы, как долетели? Ульяновку не растрясло? – наскоро чмокнув Аньку в щеку, спросила Надя.

– Нет, долетела в лучшем виде. Спать только хочет мать её. В смысле, её мать хочет спать, А совсем не то, что вы обе подумали, – торопливо объяснила Аня.

– Насть, а чего она такая агрессивная? Злыдню какую-то привезла мне. Давайте, девушка, езжайте обратно в вашу деревню! У нас тут культурная столица, между прочим!

– Нет уж, – злорадно ухмыляясь, сказала Аня. – Мне жить негде. Я гастарбайтер. Могу посуду помыть за тарелку супа. У тебя же посудомоечная машина есть? Ну, тогда помою, так уж и быть. Культурно помою. Может, даже идеально. Твоя сестра мне сказала с утра, что я идеальна. Склонна ей верить, она же правду людям говорить начала уже три дня как. Но уехать не могу, и не проси!

– Анна, вы так неприятно говорливы сегодня, – высматривая автобус, сказала Надя. – А что за история про правду? Я такой ещё не слышала!

– Твоей сестре надоело быть приличной и она решила бороться с несправедливостью. Начала решительно и суровыми методами, – поспешно объяснила Аня. – Жалобу позавчера накатала в кафе за гадкий кофе, тётку из кинотеатра чуть взашей из зала не вытолкала за перебор с духами. Ну, и так, по мелочи – в очереди в магазине, проходим на улице, консультантам в банке!

– А что? Кофе был действительно гадким, а женщина откровенно воняла! А у меня муж-аллергик рядом сидел!

– Наконец-то! Насть, тебе понадобилось тридцать пять лет, чтобы родительское приличное воспитание начало, наконец, выветриваться из тебя! – Надя одобряюще обняла сестру.

– Девочки, уймись, люди вокруг. А то я вас поубиваю. Хотя нет. Убить не смогу. Одна – сестра, вторая – мать будущая. Люблю вас до чёртиков. Как вот вас убьешь?

– Никак, – переглянувшись, в один голос сказали Надя с Аней.

– А хочется иногда, – притворно-сурово пробормотала Настя, улыбаясь при этом одними глазами. Как же она любила их обеих!

Некоторое время спустя девчонки переступили порог Надиной квартиры и немножко расслабились. Что ни говори, Анина беременность заставляла нервничать всех. Как бы ни бодрились Аня с Настей, обе переживали втайне друг от друга. Настя периодически пристально вглядывалась в бледное лицо подруги, которое, казалось, только похудело и осунулось за время беременности. Никакими пухлыми щёчками, положенными беременной, там и не пахло.

– Ничего, – думала Настя, – доедем до моря, а там нагуляет и румянец, и аппетит.

Настя переживала, не душно ли Аньке, не кружится ли голова, не сильно ли пихает её Ульянка, но спрашивать об этом каждые пять минут было невозможно, не вызвав шквал негативных эмоций. Анька была танком, прущим вперед. А танки не могут себе позволить быть слабой женщиной. Любая цель, которую она ставила перед собой, решалась в обязательном порядке. И так как рассчитывать в этой жизни она могла только на себя, поэтому не привыкла к тому, чтобы кто-то заботился о ней. Когда Аня в самолете хотела снять сапог, Настя наклонилась, чтобы помочь расстегнуть молнию. Она сделала это автоматически, ведь это было так естественно. Аня только нервно дернула плечом – мол, сама могу. Но Настю было не напугать – она так хотела дать Аньке возможность почувствовать себя маленькой, нуждающейся в заботе девочкой хотя бы в эти десять дней, поэтому на правах старшей и небеременной схватила Анькину ногу, расстегнула молнию и стянула сапог, получив в награду притворно гневный взгляд, в котором читалось, тем не менее, огромное облегчение.

Сейчас, когда один самолет остался позади, Аньке было бы хорошо немножко полежать, но она упрямо пошлепала на кухню, чтобы поучаствовать в приготовлении ужина.

Настя любила находиться в просторной кухне сестры. Она была самой главной комнатой в доме, там всегда кто-то был – делал уроки, катал машинки, смотрел телевизор, готовил ужин, пил чай. Кухня притягивала всех как магнитом, там царил настоящий домашний уют.

На ужин было решено приготовить пасту с морепродуктами. Надя бредила Италией, девчонки собирались на Средиземное море, а дети просто любили макароны. Поскольку блюдо было несложным в приготовлении, Надя крутилась у плиты, а слегка уставшие после перелета подружки сидели за столом и отвлечённо наблюдали за процессом.

Диалог крутился в основном вокруг Анькиного замужества. Замужем она была уже второй раз, но оба раза за одним и тем же человеком.

Когда она связывала себя узами брака впервые, это было более-менее понятно, хотя ее избранник был намного старше ее, и жутко, просто патологически ревнив. Спустя пару месяцев она забеременела, на чем очень настаивал новоиспеченный муж, а спустя еще пару недель счастливый новобрачный сказал, что он не готов стать отцом и исчез из жизни Аньки и их будущей дочери. Настя только однажды за годы их дружбы видела, чтобы стойкая, невозмутимая в любой ситуации Аня плакала, когда выяснилось, что она одна будет Полине и за мать, и за отца.

Мимо него прошла беременность, УЗИ, рождение Полины, ее первый год жизни. Анька затеяла развод – с алиментами и прочими прелестями. Никто и не думал, что ее муж заявит в суде, что ребенок не его, и захочет сделать экспертизу на установление отцовства. Экспертиза подтвердила родство, но отнюдь не пробудила в нем отцовские чувства. Он платил алименты, но еще полтора года Анька растила ребёнка одна, ухитряясь кормить, одевать, развлекать и возить на море. Потом, ближе к трём Полининым годам, когда пеленки, бессонные ночи и прорезающиеся зубы закончились, он вдруг вспомнил, что у него есть дочь и внезапно полюбил её. Стал отцом выходного дня, а Анька, развесив уши, умилялась. Лапши на ушах было столько, что в один прекрасный день Аня сообщила ошалевшей от такой новости Насте, что снова выходит за него замуж. Когда Настя, задыхаясь от возмущения, наконец-то спросила о мотиве столь странного поступка, Аня сказала, что «пусть у ребёнка будет хоть какой-нибудь отец, чем никакого». Зачем нужен в такой ситуации «хоть какой-нибудь отец», Аня внятно объяснить не смогла, но поскольку танки, каким была Анька, не сворачивают, весной была организована весёлая свадьба – с рестораном, гостями и белым платьем. И вот теперь Анька снова ждала ребёнка. Надежды, что человек один раз ошибся, но теперь все осознал, не оправдались. При любом споре он снова моментально вычеркивал из жизни Аньку и шестилетнюю Полину. Спустя неделю-другую все вроде бы внешне налаживалось, но потом начиналось заново. Сейчас, когда Анька уехала в отпуск, он категорически отказался оставаться с дочерью дома, водить её по утрам в детский сад и забирать оттуда, поэтому Полина на неделю переехала к бабушке. Зачем эта головная боль была нужна Аньке, ни Настя, ни Надя не понимали. Аня не страдала от безумной любви, не зависела от него материально, ей было где жить, но проблем такой брак приносил целый букет. Но Анька, как, впрочем, и всегда, не унывала и не падала духом. К мужу она относилась как к предмету интерьера, совершенно не рассчитывая на него, когда нужна помощь, и со всем справляясь самостоятельно.

Ужин был готов, Надя накрыла на стол и девчонки расселись по местам. Накручивая спагетти на вилку, Аня приготовилась услышать очередную тираду.

– Ну что, Ань, может, объяснишься, наконец? – спросила Надя. – Вот на тебя посмотришь – и умница, и красавица, а поступки твои, прямо скажем, странные. Ты зачем замуж опять пошла? Ну, сходила разок, посмотрела, что ничего путного там нет, и всё, свободна!

– Ничего они не странные. Нам с твоей сестрой надо было на дискотеку сходить. А в нашем городе все приличные заведения, где «Летящей походкой» и «Руки вверх» поют, позакрывались, одна молодежная ерунда, которая по мозгам бьет.

– Не очень прослеживаю логику, но продолжай, – сказала Надя, ловко подцепив на вилку маленькую осьминожку и пристально заглянув ей, осьминожке, в глаза.

– Да как ты не понимаешь? Нам хотелось потанцевать. А было решительно негде. А на моей свадьбе мы с Настей пляшем под такую музыку, под какую захотим.

– О, да! – встряла в разговор Настя, – Но не стоило идти ради этого на такие жертвы! Обошлись бы как-нибудь! Хотя было весело! Особенно, когда я к этому твоему ди-джею подошла и сказала: «А давай-ка нам, милый человек, «Летящей походкой», пора уже! А он мне: «Подождите! Рано еще». Нахамил, негодяй. За это он потом эту песню 4 раза подряд прослушал, от начала и до конца. А мы плясали! Ууух, как мы плясали! Сначала в своем зале, потом в соседнем. А то там совсем тухло было. Там люди сидели и просто ели. Как будто дома поесть не могли. А тут мы, босиком и счастливые. А потом еще были «Розовые роооозыыыы, о-о-о», – напела Настя.

– Светеетееее Соколоооооовой, – подхватили Надя с Анькой, сразу переключившись с грустной темы замужества на веселый мотив. Допев припев до конца, они увидели удивленное лицо молодого человека, стоявшего в прихожей и с любопытством заглядывавшего в кухню. Это был Влад, кавалер Надькиной дочери, Юли. С Настей он был уже знаком и знал, что сёстры очень похожи – внешностью, речью, поведением. Но тут он во все глаза смотрел на троицу, сидящую за столом и весело размахивающую вилками в такт музыке.

– Здравсьте! – пробормотал он.

– Здорово! – ответил ему дружный хор из трёх голосов.

– Господи, у меня сейчас взорвется мозг! – Влад прислонился к стене. – Ладно, когда их двое – ещё куда ни шло, можно пережить, хотя они одинаковые, ну вот прям совершенно! Но теперь их трое, и они всё равно одинаковые!

– И ничего мы не одинаковые! – в один голос заорали девчонки, посмотрели друг на друга и прыснули со смеху.

– Юлька, ну как это выдержать?

– Терпи, Влад, – невозмутимо стягивая пальто, сказала Юля. – Я с ними девятнадцать лет живу, и ничего, как видишь. К этому быстро привыкаешь, надо просто перестать думать, кто говорит. Представь, что это – один человек, и даже не пытайся докопаться до истины! Абстрагируйся!

– Слышишь, психолог! – сказала Настя.

– Хватит умничать! – сказала Аня.

– Посуду лучше помой! – сказала Надя.

– Всё поняла? – сказали три голоса стройным хором, как обычно, не сговариваясь.

– Ой, девчонки, не могу я с вами, – почти в обмороке протянул Влад и поспешно ретировался.

Настя вышла в прихожую и крепко обняла свою племянницу, которую нянчила с рождения, которой варила по утрам манную кашку, а теперь эта лялечка была на голову выше её. Девятнадцать лет пролетели как один день.

Ближе к вечеру девчонки обсудили планы на завтрашний день. Было решено прогуляться по Невскому проспекту, заглянуть в какой-нибудь музей, а дальше – как пойдёт.

Укладываясь спать, Настя пробормотала в полудрёме:

– Ань, на жениха будешь загадывать? На новом месте спишь ведь!

– Я-то? Конечно, буду! Я вообще мечтаю замуж выйти за пилота самолёта.

– Если не учитывать, что ты уже замужем, то да, собственный пилот бы нам пригодился. Мы бы, как жёны декабристов, с ним бы в каждый полёт отправлялись. Ну, то есть ты как жена, а ты же без меня не можешь.. Опять же, мой муж бы переборол в себе свои фобии. Мы бы договорились с твоим мужем, чтобы он сказал моему мужу, что мы все дружно летим в его любимую Анапу, а сами бы на Фиджи полетели.

– Точно. Чёрт, Ульянка, вылези из-под рёбер, дай поспать матери! И сама спи уже! Завтра тяжелый день. Тётька Настька с тётькой Надькой нас окультуривать будут.

– Ну, давай, Ань, загадывай уже скорей на своего пилота, и спать ложись!

– Сплю на новом месте, приснишь жених невесте, – пробормотала Аня, поглаживая живот в надежде, что Ульянка наконец-то уgomонится. – Все, спокойной ночи! Нааасть, спокойной ночи, говорю!

Но Настя уже спала, мгновенно провалившись в забытие после насыщенного событиями и эмоциями дня. Аня улыбнулась, устроилась поудобнее и тоже уснула.

Глава 6

Утро выдалось на редкость солнечным. Жители северной столицы, уже несколько недель не видевшие солнца из-за постоянной облачности, в приподнятом настроении выходили из своих домов и отправлялись по делам. Щурясь от ярких лучей, дети весело шлёпали по лужам по дороге в детский сад, который был виден из окна Надиной квартиры.

Проснувшись раньше всех, Настя стояла у окна и наблюдала за прохожими. Потом перевела взгляд на само окно, которое выходило на проезжую часть и потому моментально покрывалось пылью, несмотря на высоту десятого этажа.

– Пора, – подумала Настя. – Успею помыть, пока все проснутся.

Это была одна из тех привычек, которые с годами сформировались у сестёр. В каждый свой приезд Настя мыла Надино окно в кухне. Надя, разумеется, и сама могла его помыть, но не хотела. Чистое, только что вымытое окно означало присутствие сестры. Надин муж, Сашка, все время очень нервничал по этому поводу.

– Надь, завтра твоя сестра приезжает, давай окно мыть! А то опять не успеет порог переступить, сразу за тряпку схватится! – начинал бубнить Саша накануне.

– Саш, ты чего? Ну, приедет, ну, помоет. Что за трагизм в голосе?

– Да неудобно! Человек отдыхать приехал, а приходится окна мыть!

– Во-первых, это – не человек! Это – моя сестра! А во-вторых, хочется ей, пусть моет! – равнодушно отвечала Надя. Как объяснить необъяснимое? Ведь если в доме моется окно, значит, приехала сестра. Если окно не моется, значит, сестры нет. Все же просто до безобразия!

– Ага, и каждый год твоя сестра думает, что в доме живут поросята, которые окно помыть не могут!

– Ой, мамочки мои! Да ничего она не думает! Она просто по мне скучает и ей приятно мыть МОЁ окно! Не своё, не соседское, а МОЁ! А я люблю у сестры бельё гладить, что ж теперь?

– Странные вы, – уверенно заявил Сашка, не пытаясь вникнуть в женскую логику, которой, по его мнению, не существовало вовсе.

А Настя и правда ничего такого не думала. Ведь если она моет окно сестры, это означало, что сестра рядом, и только. Отполировав окно, засверкавшее на солнце разноцветными бликами, Настя протерла подоконник и поставила варить кофе. Накрыла на стол, сделала бутербродов, достала сливки, сахар и две коричневые чашки. Их осталось всего две из одинаковых чайных сервизов. Когда-то, много лет назад, Надя купила по одному такому себе и сестре. Со временем чашки разбились, остались только эти, у Нади, и, приезжая в гости к сестре, Настя неизменно пила чай или кофе только из этих чашек. По кухне поплыл заманчивый кофейный аромат, а через минуту на кухню вошла Надя.

– Мммм, сестра, как же я люблю, когда ты приезжаешь! – прислонилась к Настиному плечу Надя. – О, окошко помыла! Сашка опять меня донимать будет!

– Ой, привыкнет когда-нибудь! Садись! Завтракать будем.

– Давай! Анька спит еще?

– Без задних ног. У неё ж отпуск! И еще она будущая мать. И ей положены скидки. Это она так думает. Пусть наслаждается жизнью, а то на завтра у нас с ней запланировано пол – Анталья осмотреть.

Настя протянула сестре чашку, налила сливки и положила ложку сахара. Прodelала ту же манипуляцию со своей чашкой. По какой-то необъяснимой причине кофе с сахаром Настя пила только в компании с сестрой.

– Уедешь от меня завтра... со своей Анькой... Как-то в этот раз ты совсем на мало приехала, – грустно протянула Надя, с тоской глядя на сестру.

– Ладно тебе, не наводи тоску, и так тошно, – отводя глаза, чтобы не расплакаться, сказала Настя. – Ещё хорошо, что мы не через Москву полетели, а то бы вообще не встретились. А Анька не моя, она наша общая гадость!

– Э – э, я – не гадость, я – ваша радость! Радуйтесь, что я у вас есть! – сонно потирая глаза, вошла в кухню растрепанная Аня. – Это же я больше всех ныла, что хочу на море, так что кого надо благодарить за встречу? Правильно, меня. А в качестве благодарности за организацию встречи хоть бы завтраком меня накормили!

– Благодетельница наша! Позвольте попотчевать Вашу царственную особу! – в преувеличенном книксене склонилась Надя. – Какой кофе желаете? Черный, с молоком, с сахаром?

– Если честно, я бы с шампанским выпила! Такое чудное солнечное утро располагает к благородным напиткам! – потягиваясь, протянула Аня. Солнечные лучи скользнули по ее фигуре, нежно очерчивая округлившийся животик. – Ой! – Аня тут же потерла бок. – Ульянка, мала еще подслушивать взрослые разговоры! Пинается она! Это вообще-то мой бок!

– Вообще-то, в данный момент это её бок, – уточнила Надя и протянула Аньке бутерброд.

– Ну, так что, Ань, как там пилот? Приснился? – наливая подруге кофе, сказала Настя.

– Да! Его звали Андрюшка. Он был великолепен! Высокий, красивый, в форме! Как он меня любил! Как элегантно он рулил! А когда узнал, что меня укачивает на пассажирском месте, дал порулить! И я зарулила в Доминикану, а не в эту холодную Анталию, где у нас всё выключено! И там, в бирюзовой воде, на белоснежном пляже, я снова была стройна и необычайно хороша в своём новом вязаном купальнике....

– Эй, эй, я чего-то не пойму! Кто-то не доволен выбором пункта назначения?

– Что ты, Настенька, не волнуйся! Кто-то очень доволен! Но ты не можешь отрицать, что Доминикана лучше!

– Не знаю, у меня по Доминикане путеводителя нет, а по Анталии есть. И у нас еще Невский проспект не смотрен, дожёвывай быстрее, допивай своё виртуальное шампанское и пошли окультуриваться!

– Доминикана, Анталия... Вообще-то, это я должна была с тобой ехать в отпуск, причём в Стамбул! Скажи, Насть? – вопросительно посмотрела на сестру Надя.

– Скажу! И поехали бы, если бы не папина скромность!

Когда-то, пару лет назад, был очень популярен турецкий сериал об Османской империи. Надя с Настей, которые в принципе редко смотрели телевизор, вдруг заинтересовались этим сериалом. Несмотря на его развлекательную направленность, он изобилует множеством исторических фактов, так что, в конце концов, даже их мужья незаметно для себя приистрастились к просмотру фильма. Когда показ сериала подходил к концу, на телевидении был объявлен конкурс на двойника актёра, игравшего султана Сулеймана. Главным призом была поездка на двоих в Стамбул на выходные.

Как только сёстры узнали о конкурсе, они тут же извлекли из семейного альбома фотографию папы времён его армейской деятельности. На ней он был запечатлён во время одной из военных операций – в полевой форме, с пышной бородой и пронизательным, суровым и очень строгим взглядом – вылитый султан!

Вообще, Насте казалось, что ни одна профессия не шла её отцу так, как профессия военного. Она до сих пор хорошо помнила то щемящее чувство восторга, когда за ней в детский сад приходил папа – молодой, красивый, подтянутый, в военной форме, на зависть всей малышне. Надя, в свою очередь, неимоверно гордилась, когда папа приходил в класс поучаствовать в практическом занятии по ОБЖ. Она, и без того прилежная ученица, ещё сильнее старалась правильно надевать противогаз, чтобы не посрамить честь семьи. А уж когда в воинской части, взявшей тогда шефство над школой, где учились сёстры, были изготовлены стенды для кабинета немецкого языка, счастью их не было предела. Однажды, ранним весенним утром, во двор школы въехала самая настоящая военная машина, из которой выпрыгнули самые настоящие солдаты во главе с их, девчонок, папой, и каждый с лёгкостью нёс в руках огромные стенды. Все окна школы были утыканы детскими любопытными мордашками. Процессия направилась напрямик в кабинет немецкого языка, который был закреплён за Настиным классом, стенды были водружены на стены, а Настя ещё несколько лет при входе в класс смотрела на них и гордилась. Это сделал их папа, настоящий военный!

Так вот, когда объявили конкурс на двойника великого полководца и завоевателя, девчонки моментально вспомнили о фотографии, на которой папа был удивительно похож на актёра, игравшего султана Сулеймана. Настя быстренько заполнила анкету на сайте телеканала и уже почти её отправила, но запнулась на последнем вопросе: «Дал ли согласие на участие в конкурсе человек, чью фотографию Вы отправляете?». Настя, приличная донельзя, позволила сестре. Сестра сказала, что папе об этом знать необязательно, а в Стамбул очень хочется. Настя же не выдержала и позвонила отцу. Отец, как и следовало ожидать, был вне себя, потому что ни в каких конкурсах принимать участие не собирался, и вообще, «Вдруг мои сослуживцы увидят мою фотографию по телевизору, позора не оберёшься!». В общем, фокус не удался. Потом, когда были опубликованы результаты конкурса, Настя распечатала фотографию самого

актёра, фотографию победителя, взяла фотографию самого папы из альбома и молча выложила все три в ряд на стол перед отцом. Папа покачал головой – да, мол, победитель так себе, но поездка в Стамбул так и осталась для сестёр мечтой.

Покончив с завтраком, девчонки навели марафет и выпорхнули из дома, похожие на шумную стайку воробьев, плещущихся в весенней луже. Прихватив с собой маленького Шурика, которому по случаю приезда тёти полагался законный выходной и было настойчиво рекомендовано прогулять детский сад, они решили начать с океанариума.

Загрузившись в маршрутку, Аня с Шуриком уселись отдельно и увлечённо обсуждали роботов – трансформеров. Надя с Настей сидели позади, прижавшись друг к другу, и болтали. Им нужно было доехать до станции метро, а до какой именно, знала только Надя и, как выяснилось немного позже, Шурик.

Вспомнив какую-то историю из детства, сёстры залились смехом. Утирая слёзы и пытаясь соблюсти хоть какие-то приличия, они не сразу заметили Шурика, который уже третий раз, отчаянно жестикулируя, кричал на весь автобус:

– Маааам, а мы специально нашу станцию метро проехали?

Смысл фразы постепенно дошёл до сознания сестёр и вызвал новый взрыв хохота.

Пассажиры недоумённо наблюдали, как пулей взлетели с сидений эти две пассажирки, которые никак не могли уgomониться, как они схватили обалдевшего ребёнка и беременную женщину и утащили их за собой.

– Вы нормальные люди, а? – Анька выдала положенную порцию нотаций, не возымевших ровно никакого действия на взбалмошных сестёр.

– Мы априори не можем быть нормальными, потому что наша мама однажды для поддержания тонуса – а – а..., – снова захохотала Настя и согнулась пополам, прислонившись к ближайшему дереву, не в силах закончить фразу.

– ...пила нашатырный спирт, – договорила за неё Надя.

– Как это – нашатырный спирт? Коньяка что ли не было? – Аня вытаращила глаза.

– Не знаем, – ответила Надя. – Она вычитала где-то, что надо перекись водорода пить, начиная с капли на стакан воды, увеличивая с каждым днём на одну каплю. Пьёшь 15 дней, потом в обратную сторону считаешь. Когда вернёшься к одной капле на стакан, будешь бодр и весел.

– Перекись? Вот гадость! А нашатырный спирт-то там причём? – Аня крепко держала Шурика за руку и непонимающе смотрела на девчонок.

– Перепу – у – у – утала, – еле выдавили из себя сёстры, давась от смеха и размазывая тушь по щекам.

Успокоившись с большим трудом, девчонки спустились в метро и продолжили свой путь. Добравшись до океанариума, вся компания погрузилась в подводный мир. Все трое – Надя, Настя и Аня, были больны морем. Оно снилось им по ночам, о нём они мечтали чаще всего, именно туда они стремились всем сердцем. И неважно было, какое это море – ласковое и тёплое или бушующее и свинцовое. В каждом его оттенке, в любом настроении море было как бальзам, заживающий любые раны на душе. Поэтому сейчас, с любопытством разглядывая морских обитателей, пусть даже и в искусственно созданных условиях, они вбирали в себя синеву воды и жаждали встречи с настоящим морем.

Надя с сыном разглядывали акулы ясли, где можно было увидеть, как зародыш акулы шевелится в оболочке. Потом малыш прогрызёт стенку и покинет детский сад, а его, уже не малыша, а настоящую акулу, переведут в главный аквариум. Шурик зачарованно смотрел на полупрозрачные мешочки, в которых шевелились будущие хищники.

Остановившись у аквариума с медузами, Настя с Аней замерли. Зрелище завораживало. Аквариум подсвечивался разными цветами, переливаясь от бирюзового до перламутро-зелёного, а медузы, которых там было несчетное множество, лениво распускали свои зонтики и,

казалось, тоже наблюдали за посетителями. В небольшой нише напротив аквариума стояла скамейка. Настя усадила туда Аню и плюхнулась сама, вперив взгляд в аквариум. Казалось, эти эфемерные создания бесплотны и сотканы из морской пены. Плавные непрерывные движения этих фантастических существ приносили умиротворение и успокаивали нервы. Настя ни на минуту не забывала об особенном положении подруги и хотела дать Ане возможность передохнуть, поэтому они посидели какое-то время, совершенно ни о чем не думая.

Хотя кое-что пришло Аньке в голову. Мечтательно глядя на медуз, она вдруг сказала:

– А моя сестра кроликов разводит! Какие кролики? Вот какая от них польза?

– Польза от них только в рагу! – согласилась Настя.

– Вот! А в нашем преклонном возрасте уже о высоком надо думать! Пусть бы лучше медуз разводила – вон какие они... космические...

Компания провела в океанариуме почти три часа, Анька была без сил и с ужасом думала о каком-то там Невском проспекте, обещанном ей во второй половине дня. Единственное, чего бы ей сейчас хотелось – это стать морской звездой, распластав свои конечности в теплой морской воде. Ну, и разве что ещё мороженого. И котлету.

– Я не хочу на Невский! – решительно заявила Анька, едва все вышли на улицу.

– Ого! – Настя развернулась вплотную к подруге, вопросительно вскинув брови. – Так у тебя ж этот... Надь, как его?

– Инполлитра! – авторитетно заявила Надя.

– Точно! Инстаграм! И тебе же очень была нужна в него фотография!

– А теперь не нужна! Теперь я хочу котлету, мороженое и диван. Мы устали с Ульянкой!

– Ой, вспомнила опять, что беременна! Как шампанского на завтрак выпрашивать, так она нормальная, а как на Невский, так беременна! Что же это творится, люди добрые? – громко заверещала Надя. Люди, добрые и не очень, стали настороженно озираться.

– Что, что? А то! Мы вчера с твоей сестрой выяснили, что я идеальна. Поэтому я, как идеальная беременная женщина, должна быть капризной и ветреной. Так что мы с Ульяной Семёновной хотим фастфуда!

– Аня, а фастфуд – это вообще-то вредно. От этого толстеют! Мне мама рассказывала, – возразил Шурик, с подозрением глядя на округлившийся Анин животик.

– Жить – это вообще вредно, мой юный друг. От этого, говорят, умирают. Так что мы идем туда! – Аня махнула рукой в направлении вывески, обещавшей райские гастрономические наслаждения уставшим и голодным странникам.

– Всё-таки жизнь хороша! – доедая третью порцию мороженого, сказала Анька. – А что Невский? Стоял без меня триста лет, и еще постоит!

– Да и правда, – дожёвывая жутко вредный, но очень вкусный пирожок с вишней, согласилась Настя. – На пенсию выйдем, сходим.

– Да уж, знатные из нас выйдут пенсионерки, – мечтательно протянула Надя, пытаясь запихнуть хоть какую-нибудь еду в своего худющего сына. – Так и вижу – платочки с люрексом, семечек стакан, пенсионное удостоверение... Как сядем на лавочку перед подъездом, как начнем молодёжь костерить..

– Ага! Точно! Будем вспоминать, как Анька зрелища на хлеб променяла. Ну, то есть Невский на котлету! – хихикала Настя.

– Вот же вы какие поросята, девчонки! Когда вы уже запомните, что я – бе – ре – мен – на, – по слогам произнесла Аня. – Понимаете? То есть я могу себе позволить... нееет, я ДОЛЖНА капризничать!

– Да, сестра, попала ты в переделку, – сочувственно похлопав по плечу Настю, сказала Надя. – Сходишь ты в музей в вашей Анталии, ага...

– Чекисты не сдаются, – ответила Настя. – Меня так папа учил. На месте разберемся! Ну что, поехали обратно?

Солнце, так ярко сиявшее весь день, внезапно скрылось за облаками. В городе снова стало серо и неуютно. Природа как будто предчувствовала близость разлуки сестёр и грустила вместе с ними. Укутавшись поплотнее в шарфы, девчонки поехали домой, чтобы провести последний совместный вечер за болтовнёй, сборами чемоданов и чаепитием.

Весь вечер Настя с Надей изо всех сил пытались сохранить бодрость духа, чтобы не дать волю чувствам и не расплакаться. Если раньше они часами сидели на кухне и никак не могли наговориться, вспоминали детство, рассказывали друг другу новости про родственников и общих знакомых и не замечали при этом, как ночь плавно перетекает в рассвет, то сегодня они усилием воли пораньше отправились спать. Это должно было им доказать, что завтра – обычный день, что никакой разлуки не предстоит и что нет необходимости заранее скучать и плакать.

Надя особенно переживала расставание с сестрой, потому что, выйдя замуж после института, она уехала из города, оставив на малой Родине маму с папой и сестру. В северной столице у нее был муж, дети, со временем появились подруги, но семья осталась на Севере. Настя понимала, что Наде трудно одной, потому что сама она такого одиночества не ощущала. Мама, хоть и не жила с Настей, приходила к ней почти каждое утро выпить кофе, часто отводила в детский сад младшую дочь, помогая сэкономить несколько заветных минут с утра, могла нагрянуть неожиданно и сварить, например, картошки к ужину, укутав кастрюлю теплым одеялом, чтобы блюдо не остыло к приходу домашних с работы. Она просто незримо была рядом – всегда, в любую минуту. Настя ценила эту заботу особенно ещё и потому, что к её любимой сестре родители не заглядывали вот так запросто, на завтрак или ужин.

Итак, невзирая на желания людей, небесное светило взошло над горизонтом, и наступил новый день – день расставания и новых приключений.

Глава 7

Утром, в день отъезда, Настя с Надей сидели на краю ванны, синхронно закинув ногу на ногу, и чистили зубы. Только что они выяснили, что в их семьях у мужей зубные щётки синего цвета, у детей – розовые и оранжевые, а у них обеих – зелёные.

– Потому что мы жабы, что ли? – спросила Надя, и сёстры в очередной раз разразились дружным хохотом.

Вообще, в последнее время они старались держать чувство юмора под контролем. Во-первых, зачастую окружающие люди не находили ничего смешного в вещах, которые вызывали у сестёр приступы смеха, потому что это были их, личные истории, понятные только им двоим. Во-вторых, несколько лет назад Надя чуть не задохнулась во время таких весёлых посиделок. Смеялись сёстры долго, весело и заразительно и никак не могли успокоиться. Лишь только смех затихал, тут же в памяти всплывала очередная история, которую не было необходимости даже пересказывать – девчонки вспоминали эти истории лишь по одному кодовому слову, и все начиналось заново. Тушь на ресницах давно была смыта слезами, потому что уже час они не просто смеялись, а рыдали. Сашка, изредка заглядывая на кухню, укоризненно качал головой. Изведя пачку салфеток и потянувшись за следующей, Настя сквозь слёзы увидела, что Надя как-то странно дышит. То есть не очень-то она и дышит. Как-то через раз. Или даже через три. Понимая, что сестра задыхается, Настя попыталась успокоиться сама и успокоить сестру. Она молниеносно вскочила, налила в стакан воды, протянула его сестре и взглядом заставила сделать несколько глотков, не переставая при этом смеяться. Потихоньку страсти улеглись, Надя перестала дико вращать глазами и задышала нормально.

– Ты представляешь, Надь, – сказала тогда Настя, – я ведь понимала, что вот моя сестра, сидит передо мной и натурально задыхается, погибает прямо на моих глазах, а перестать смеяться не могла. Это же ненормально?

– Нет, ненормально. Потому что я, та самая, которая натурально задыхалась, отчетливо понимала, что вот он, мой последний час. А потом представила – вот придут патологоанатомы, разложат мои тела и начнут ломать голову – что за приступ сразил столь юную красавицу? А красавице просто было весело! По-моему, очень романтическая причина смерти, как считаешь, сестра?

– Ага, очень. Как и надпись на надгробии: «Смех без причины – признак дурачины!».

В общем, шутки шутками, но теперь сёстры научились опознавать приближение юмористического коллапса и старались купировать начинающийся внезапно приступ.

Сейчас, сидя с полным ртом зубной пасты, Настя авторитетно пихнула Надю в бок, потому что та начинала выходить за рамки дозволенного.

– Вы дадите поспать человеку? Чего опять тут развели, а? Шум на весь дом! – ворвалась в ванну Анька. Протиснувшись между девчонками, Аня тоже уселась на край ванны и потянулась за щёткой. Зелёной.

– Квааааа, – согнувшись от хохота, пропели Настя с Надей, и вытянули вперед свои зелёные щётки.

– Да, слов нет, одна музыка! Вы прекратите когда-нибудь эти истерики? Нам вообще-то ехать пора! – Аньке не терпелось поскорее сесть в самолёт, который умчит её к морю.

– Спокойно, Ань, не нервничай, мы уже такси вызвали, у нас еще сорок минут. Успеем, – выходя из ванной, сказала Надя. – А опоздаете, так оно и к лучшему. У меня тут веселее, чем в вашей Анталы. И обед включён. И я рядом.

Собравшись на кухне, девчонки быстренько позавтракали, торопливо оделись и расцеловали на прощание Шурика и Юльку. Подхватив чемоданы, они вывалились на улицу за три минуты до времени, указанного диспетчерской службой такси. Через десять минут они начали

нервно озираясь по сторонам. Через двадцать минут стали звонить водителю. Заручившись его клятвенным обещанием, что он уже вот-вот подъедет, они еще полчаса простояли на тротуаре, обступив плотным кольцом чемоданы.

– Ну что, Красненький, не видать тебе Анталы! Останешься тут! Вместе с моей сестрой! – не скрывая радости и приплясывая на тротуаре, приговаривала Надя.

– Мне всё больше нравится наш отпуск, – бурчала себе под нос Настя.

Тут из-за угла дома выскочила машина и с визгом притормозила у подъезда.

Аньку решили посадить вперёд, чтобы её не сильно укачивало. Водитель услужливо загрузил чемоданы в багажник, Надя уселась на заднее сиденье, следом за ней полезла Настя. Когда она уже почти достигла цели, Анька с грохотом захлопнула переднюю дверцу машины, не заметив, что Настя всё еще держалась за перегородку. Её пальцы оказались зажаты дверцей, Настя заорала, Анька подпрыгнула, а Надя вообще не понимала, что произошло. Водитель, который и так уже был виноват вдоль и поперёк, опоздав почти на час, совсем позеленел. Только отрубленных девичьих пальцев ему не хватало! Он подскочил к дверце, рывком открыл её, схватил Настину руку и начал дуть на пальцы непутёвой пассажирки. Настя, выдохнув, поняла, что пальцы целы и даже, как ни странно, не болят, только слегка покраснели. Она попыталась вырвать руку, но водитель держал её цепко.

– Мужчина, вы так вцепились в мою руку, как будто хотите на мне жениться, – после безрезультатной двухминутной борьбы сказала Настя. – Я в порядке. Да в порядке я, говорю! Если не считать того, что моя подруга, с которой мне предстоит неделю жить в одном номере в чужой стране, только что совершила на меня покушение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.